

Однажды Хэ Сы, не зная подробностей, вошёл в помещение, где его встретил запах, от которого слюнки потекли. Но, увидев человека, избитого до кровавого месива, он выплюнул и слюну, и желчь.

Теперь Хэ Сы уже привык к таким зрелищам. С полным спокойствием он достал из рукава носовой платок и, в атмосфере, пропитанной грубой мужской энергией, с преувеличенной жеманностью прикрыл рот, совершенно игнорируя взгляды бравых гвардейцев, которые ясно говорили: «Смотрите, это же настоящий девчачий евнух!» Слегка приподняв бровь и с лёгкой усмешкой, он спросил Юэ Чжуна: «Что тут происходит? Неужто своих братьев нужно было так жестоко наказывать?»

Лицо Юэ Чжуна потемнело. Он не хотел, чтобы Хэ Сы видел подобные сцены за закрытыми дверями. Даже будучи не самым проникательным, он понимал, что Восточная палата и Императорская гвардия непримиримы, как огонь и вода. Вопрос начальника Восточной палаты наверняка был либо насмешкой, либо поводом для придирки. Юэ Чжун даже улыбнуться не смог: «Это... подчинённые совершили ошибку, не справились с заданием, из-за них погибли люди. Вот их и наказали».

Он, можно сказать, оклеветал Хэ Сы. Тот искренне жалел избитых и, судя по богатому опыту наблюдений за допросами в Восточной палате, понимал: если продолжить, эти люди точно не выживут. Даже если выдержат, последствия ран всё равно их добьют.

Впервые оказавшись здесь, он не мог просто пройти мимо, увидев такое.

Прикрывая рот и нос, Хэ Сы вздохнул: «Кто не ошибается? Наказали — и хватит. Господин Юэ, сделайте мне одолжение, отпустите их».

Раз уж он так сказал, Юэ Чжун не смог отказать прямо и лишь махнул рукой, веля отпустить наказанных.

Все они были молодыми парнями. Хэ Сы мельком взглянул — избиты до неузнаваемости. В душе ёкнуло: «Императорская гвардия и к своим-то беспощадна!» Он даже забеспокоился: когда сам попросит у них денег, не обдерут ли его как липку?

Его взгляд случайно встретился с одним из наказанных.

Того только что сняли с дыбы, он едва стоял на ногах, и двое волокли его прочь. Но в этот момент парень поднял голову, увидел Хэ Сы и, с лицом, залитым кровью, вдруг оскалится, обнажив белые зубы, точно голодный волк. Улыбка бросила Хэ Сы в холод.

Тот, ухмыляясь, с окровавленными губами свистнул — дерзко, коротко — и беззвучно пошевелил губами.

Хэ Сы понял, что он сказал: «Красавчик~»

«Какого чёрта!» — Хэ Сы остолбенел. Он что, и правда такой?

Прожив восемнадцать лет, он впервые столкнулся с откровенным флиртом и не знал, как реагировать. Пока в голове проносились мысли: «Так, погоди, а ведь гвардейцы, говорят, все прямые как палки!», «Хм, ну конечно, я и сам знаю, что красив», «Стоп, а не стоит ли мне притвориться в ярости, вместо того чтобы тайком радоваться?..» — того, полумёртвого, уже утащили.

Как глава Восточной палаты, Хэ Сы теперь не мог устраивать сцену. Тем более что людей отпустили по его же просьбе. Подавив бурю противоречивых чувств, он решил: выберет какую-нибудь тёмную ночь, прикажет своим Четырём Великим Хранителям схватить этого наглеца, что посмел заглядываться на его красоту, надеть мешок на голову и хорошенько проучить, как надо вести себя с людьми.

— Господин Палаты? Господин Палаты? — в ушах зазвучал голос Юэ Чжуна. Он изначально не понимал, зачем начальник Восточной палаты пожаловал с визитом, а теперь, видя, что тот без всяких причин вступился за наказанных, и вовсе смутился и рассердился. Императорская гвардия хоть и ослабла, склонившись под руку Восточной палаты, но всё же оставалась независимым учреждением с официальным статусом. А этот начальник Восточной палаты явился с таким гонором, сразу вмешался в их «домашние дела» — видно, будет крепким орешком.

Юэ Чжун невольно размышлял всё дальше, в душе кипя негодованием и досадой. Всё-таки им не хватает сильного и умелого командующего!

Хэ Сы, естественно, не понимал, почему у заместителя командующего вдруг завертелись такие сложные мысли. Очнувшись, он кашлянул, отбросил поток внутренних насмешек и, невозмутимо, словно ничего не произошло, улыбнулся:

— Пойдёмте, господин Юэ, обсудим всё внутри.

Юэ Чжун, глядя на его ясное лицо с загадочной улыбкой, почувствовал, как сердце ёкнуло. Так и есть — главный удар ещё впереди!

Управление Императорской гвардии делилось на две части — южное и северное. Южное, в удалённой столице, занималось архивами личного состава и управлением ремесленников, а северное, в Яньцзине, ведало судами и охраной императора. Будучи личной гвардией, они по численности, конечно, намного превосходили Восточную палату, и всех в императорский город не поселить. В городских стенах находилось лишь управление с дежурными офицерами и писцами, а основные силы размещались вокруг.

Поэтому управление было невелико, но, как говорится, мал золотник, да дорог.

Войдя в зал для гостей, Хэ Сы спокойно уселся на почётное место и знаком велел свите удалиться.

Юэ Чжун, видя это, внутренне напрягся ещё сильнее, но тоже приказал своим людям выйти.

«Каким бы опасным гость ни был, это всё же владения Императорской гвардии! — подумал он. — Неужели начальник Восточной палаты посмеет здесь открыто убивать и жечь?»

Хэ Сы с изящным видом помешал чай в нефритовой чашке. Свет, проникавший в зал, падал на его профиль, делая кожу белоснежной, а красный халат — ярким, как закат.

— Господин Юэ, — медленно начал Хэ Сы, не пригубив чая, — есть вещь, которую, как я знаю, говорить не стоит...

Юэ Чжун нервно сжал кулак. «Тогда не говори!»

— Но я всё же скажу.

«...»

Хэ Сы и не подозревал, что его слова чуть не довели Юэ Чжуна до сердечного приступа. — Всё-таки это императорский город, — продолжал он. — Его Величество и их высочества совсем рядом, великий император не так давно покинул нас. Такие кровавые расправы лучше свести к минимуму, чтобы не потревожить высоких особ. Как вы считаете?

«Собачий евнух и есть собачий евнух! — подумал Юэ Чжун. — В вашей Восточной палате такие наказания — раз плюнуть, а ты тут разыгрываешь из себя праведника! Хм, вот уж воистину „белый лотос“ в эпоху процветания!»

В душе он фыркнул и стиснул зубы, но на словах сухо ответил:

— Ваше замечание справедливо. Впредь такого не повторится.

Хэ Сы и не подозревал, что, лишь пару дней как став главой евнухов, он уже получил почётное прозвище, которое будет следовать за ним всю жизнь. Ему лишь казалось, что вступительная часть завершена, и пора переходить к сути. Он прочистил горло:

— Господин Юэ...

Юэ Чжун насторожился, мгновенно собравшись.

Хэ Сы, набравшись наглости, произнёс:

— В последнее время у Восточной палаты возникли некоторые... финансовые затруднения. Не могли бы братья из Императорской гвардии...

Юэ Чжун отреагировал с невиданной скоростью, отрезав категорично:

— Денег нет!

«Вот наглецы! — закипел Юэ Чжун. — Вымогательство, да ещё у нас!» От ярости у него задрожала печень, а кулаки сжались так, что выступили вены.

Хэ Сы: «...»

Хэ Сы какое-то время молча смотрел на взволнованного Юэ Чжуна. — Ну, брат, мы же вернём... Одолжим немного...

— Денег нет! — Юэ Чжун стиснул зубы так, что, казалось, они вот-вот треснут. — Денег нет, а жизнь — одна! Господин Палаты, берите, если хотите!

Юэ Чжун решил про себя: даже если у Императорской гвардии нет командующего, который мог бы за них заступиться, они не позволят Восточной палате так их топтать и унижать! Сегодня он готов жизнь положить, но не даст им протянуть сюда свои щупальца. Раз позволишь — будет повторяться, и уж точно не с него начнётся!

Хэ Сы: «...»

Хэ Сы был поражён непреклонностью Юэ Чжуна. «Я же просто хочу занять денег, братец, успокойся! — подумал он. — Зачем мне твоя жизнь? Чтобы ты мне каждый день показывал, как грудью камни ломаешь или ладонью арбузы рубишь? Право, я вас, прямых парней, совсем не понимаю...»

Из-за неуступчивости Юэ Чжуна первая в истории потенциальная финансовая связь между Восточной палатой и Императорской гвардией так и не состоялась.

Они разошлись, оба недовольные.

Возвращаясь, Хэ Сы вздыхал и хмурился.

Что делать? Не удалось занять денег. Неужели эта истрёпанная книга заставит его умереть от сердечного приступа?

Вспомнив, что он всё ещё должен Министерству финансов триста тысяч лянов серебра, он подумал: «Ладно, чем раньше умру, тем быстрее перерожусь. В следующей жизни хоть собакой буду, только не евнухом в Восточной палате!»

Чжао Цзинчжун, словно из-под земли, возник рядом с паланкином. Оглянувшись по сторонам и убедившись, что кругом свои, он понизил голос:

— Наместник, всё готово.

Хэ Сы: «...???»

<http://bllate.org/book/16284/1466933>